

Идея Европы¹

ЛАЙОНЕЛ ГОССМАН

В 1991 ГОДУ в Принстонском университете, где я тогда преподавал, «идея Европы» была выбрана темой межфакультетского семинара для старшекурсников. Холодная война только что закончилась, последние таможенные барьеры между странами — членами ЕЭС (нынешний Евросоюз) готовы были пасть, и перспективы Европы казались крайне многообещающими. ЕС был в то время в первую очередь западноевропейским образованием, но начиная с 1991 года к нему — наряду со Швецией, Кипром и Мальтой — присоединились такие центрально- и восточноевропейские страны, как Австрия, Венгрия, Чешская Республика, Словакия, Польша, Румыния, Болгария, Словения, Латвия, Литва и Эстония. И конечно же, было восстановлено единство двух Германий. В то же время, однако, вспыхнули серьезные конфликты на этнической, религиозной и национальной почве в юго-восточной части континента, сектантские бесчинства в Северной Ирландии и баскский сепаратизм в Испании. Даже на Корсике вооруженное освободительное движение требует время от времени значительной передислокации французских войск и полиции. В Турции, которая является возможным кандидатом на полноценное членство в Евросоюзе в ближайшем будущем, продолжили крепнуть народные симпатии в пользу более религиозного, исламистского общественного устройства. Между тем волнения и нестабильность в Албании, настоящая гражданская война в Алжире и тяжелая экономическая обстановка в Марокко и ряде областей Ближнего Востока и Центральной Азии привели к усиленным потокам эмиграции, зачастую нелегальной, через Средиземное и Адриатическое моря в Италию, Испанию и Францию,

1. Перевод выполнен по изданию: © Gossman L. The Idea of Europe // Common Knowledge. 2010. Vol. № 2. P. 198–222.

что усугубило и без того напряженную социальную обстановку, вызванную в этих странах безработицей. Представители ультраправых националистских, расистских и антииммиграционных движений во Франции, до некоторой степени в Германии, Дании и Нидерландах, а в последнее время и в Британии идти на уступки, похоже, не собираются. А в Британии ЕС привычно рассматривается скорее как конфедерация независимых государств (этакий огромный таможенный союз или свободная торговая зона), объединенных тесным, но добровольным сотрудничеством по множеству разных вопросов, нежели как федеративное государство, создание которого большинство других исходных участников считают конечной целью Европы.

И тем не менее похоже, что на пути к такому федеративному государству Европу ожидают разве что временные трудности и задержки, особенно принимая во внимание появление воинствующих исламистов, впечатляющий рывок Китая, превративший его в мировую державу, а также текущие экономические потрясения, на фоне которых евро показал себя оплотом надежности. В свете всех этих событий некоторые размышления по поводу того, что стоит или должно стоять за словом «Европа», представляются все более уместными.

Довольно трудно дать определение Америки исходя из одной лишь географии — Америка значит гораздо больше. Но можно по крайней мере провести вполне недвусмысленные физические границы. В случае Европы география не столь однозначна, особенно на востоке, где Европа встречается с Азией. В результате географические границы неразрывно связаны с историей и культурой, как ясно показал польский историк Оскар Калецкий в своей книге «Пределы и деление европейской истории»², опубликованной в Лондоне вскоре после Второй мировой войны. В книге Калецкого отражены тревоги и переживания польского ученого-католика по поводу послевоенного разделения Европы, отрезавшего Польшу от европейской культуры, принадлежность к которой чувствовали многие поляки. Но у Калецкого по крайней мере не было сомнений в существовании единой европейской культуры. Другие отстаивали, вполне убедительно, точку зрения, согласно которой границы внутри европейской культуры важны не менее — а возможно, и более, — чем какое бы то ни было предполагаемое единство. Не далее как в середине 1990-х годов такой тезис выдвинул французский политолог и профессор публичного права Жерар Сулье. Мне бы

2. *Halecki O. The Limits and Divisions of European History. N.Y.: Sheed & Ward, 1950. — Прим. пер.*

хотелось процитировать пространный пассаж из его книги *L'Europe: Histoire, civilisation, institutions*:

Идея единства Европы предполагает гармонию истории и географии континента. Однако такая гармония ни в коей мере не является установленным фактом. Географически Европа — далеко не природная данность; ее обычно определяют как полуостров, выступающий из Азии. Географы согласились проводить ее восточную границу — ту, которую природа не прочертила сколько-нибудь отчетливо и которая поэтому вызывает проблемы — по Уральским горам и Каспийскому морю. Но этим пограничным ориентирам не соответствует никакая политическая граница. Стоит спросить, до какой степени в таком случае следует считать частью Европы Россию? Это лишь один пример, хотя и самый главный, отсутствия четкого определения специфически европейского пространства. Иногда, чтобы определиться с географией, нужно обратиться к истории. Но рассматриваемый как целое континент не имеет и общей истории. В большинстве книг, где Европа представлена с исторической точки зрения, на первый план в качестве доказательства ее единства выдвигается цивилизация, которая, как предполагается, стала результатом ее долгой и беспокойной истории. Эта история, отмеченная, по общему признанию, распрями и насилием, тем не менее преподносится как основанная на общих ценностях и устремлениях. Однако в действительности то, что описывается как европейская цивилизация, представляет собой, в сущности, западноевропейскую историю, а отождествить Европу в целом с Западной Европой попросту невозможно. Как говорить о Европе как единстве, игнорируя при этом ее часть, а именно Россию, на том основании, что она простирается на восток через всю Азию до Японского моря? Игнорируя балканские земли, поскольку из-за десяти веков в составе Византийской империи и еще пяти в составе Османской империи их история существенно отличалась от истории Запада?.. Как говорить о Европе как единстве, попросту исключая ту ее часть, которой на Западе на протяжении веков не придавали значения? На это несоответствие между географическим пространством Европы и тем, что мы называем европейской цивилизацией, нельзя просто закрыть глаза. Нельзя попросту сделать вид, что географическое пространство задавало те рамки, внутри которых создавалась цивилизация. В силу этого любая попытка рассмотреть пространство Европы в целом означает необходимость взглянуть в лицо тем противоречиям, которые исторически разделили этот континент. Тем самым, когда мы слышим, как оперируют такими терминами, как «европейская цивилизация» или «европейская культура», мы должны помнить, что означаемое ими обычно связывается в первую очередь с западной частью континента³.

3. Soulier G. *L'Europe: Histoire, civilisation, institutions*. Paris: A. Colin, 1994. P. 12.

В чем же в таком случае состоит идея Европы, если она не относится явным образом ни к четко установленному географическому или физическому пространству, ни к единой истории или культуре? Как и при каких обстоятельствах эта идея возникла?

Возможно, стоит начать с моих личных воспоминаний о том, как я рос в большом промышленном городе в отдаленном уголке Европы в годы перед Второй мировой войной. В те годы мы, шотландцы, считали само собой разумеющимся, что Европа — под которой мы понимали великие европейские державы — является центром вселенной. От того, что происходило и решалось там, и прежде, и теперь зависела жизнь всего мира. Кроме того, ни у кого не вызывало сомнений, что Париж (наряду с Лондоном, Берлином, Веной) был культурной столицей мира. Даже Соединенные Штаты, ставшие, несомненно, ведущей мировой державой вследствие их решающей роли в Первой мировой войне и в заключении последовавшего за ней мира, казались далекими и незначительными, тем более ввиду того что они в существенной мере отошли от участия в международных делах. Как бы то ни было, американская культура и американский образ жизни казались, по сути, ветвью европейских, только больше привязанной к современным технологиям (холодильники, автомобили и тому подобное) и меньше — к традиции. Кроме того, в те дни сегрегация была по-прежнему в порядке вещей, черные в Америке были все еще людьми-невидимками, и население этой страны считало себя просто переселенцами из Европы.

Япония, несомненно, тоже была могущественной державой. Свой крутой нрав она показала победой над бескрайней Российской империей и оккупацией Кореи. В середине тридцатых годов она вторглась в Маньчжурию и вела беспощадную войну против Китая. В школе нас приучали видеть в Японии своего рода азиатскую Британию, восточную версию (или, скорее, имитацию) нас самих. Я помню, как нам говорили, что Япония, как и мы, — островная страна, выживание которой зависит в первую очередь от интеллектуальных, а не природных ресурсов. Безусловно, к 1930-м годам Япония стала более грозной силой и, кроме того, перестала быть союзником, каким была в Первую мировую войну. Тем не менее в то время лишь немногие верили, что даже самая продвинутая из азиатских стран способна на нечто большее, чем стать второсортной имитацией Британии, Франции или Германии. Что касается остального мира, большая часть Африки находилась под европейским колониальным управлением, так же как и вся центральная, южная и юго-восточная Азия; Австралия принадлежала Британии, Южная Африка зависела от Европы культурно и отчасти экономически, хоть и находилась в сфере влияния Америки. Штаб Лиги Наций

находился в Европе, и большинство проблем, заботивших мировых лидеров, были европейскими проблемами.

Но в моем родном Глазго центральное положение Европы отнюдь не занимало умы масс. Люди были поглощены отчаянными попытками не лишиться работы, зарабатывать на еду и одежду им и их семьям, не заболеть и не получить увечий на производстве. Даже в более богатых и развитых странах жизнь большинства, полная тягот и забот, не отличалась комфортабельностью и благополучием. Вдобавок, будучи жителями Великобритании, а точнее, ее дальней северной части, мы не ощущали себя исключительно или хотя бы главным образом европейцами. В школе нас учили, что наша судьба неразрывно была связана с раскинувшимися по всему свету землями британских доминионов и колоний. У большинства из нас (в том числе у меня) были родственники в Канаде, Австралии, Новой Зеландии или Южной Африке — странах с похожими нравами, языком, институтами. Нам, жителям Глазго, Милан и Вроцлав казались гораздо более далекими, чем Монреаль или Брисбен, и во многом так оно и было. Пароходы нескольких корабельных компаний на реке Клайд совершали еженедельные рейсы в Канаду. Добраться до Милана или Вроцлава было куда сложнее. Читая истории австралийского писателя Дэвида Малуфа о юности, проведенной в Брисбене в годы перед Второй мировой войной, я представлял себе что-то вроде тропического Глазго. Всё, за исключением жары и флоры с фауной, было точно таким же, как в провинциальной Британии. В те годы никто из нас не осознавал, что империя уже готова развалиться, подобно картонному домику. Мы чувствовали себя и в Европе, и вне ее. Поэтому мы не сильно волновались по поводу европейского заката. Мы были британцами.

Но на европейском континенте и даже в менее провинциальных британских землях дела обстояли совершенно иначе. Кризис чувствовался все сильнее, опасения за будущее Европы росли. Культурный пессимизм *fin de siècle* (самым ярким выразителем которого был Ницше) распространился в среде образованного среднего класса. Катастрофическая Первая мировая и ее последствия привнесли ощущение необратимого политического упадка. Огромный успех «Заката Европы» Шпенглера был симптомом общего пессимистического климата. Шпенглер преподносил европейский закат как неизбежный факт и советовал стоически принять его:

Мы рождены в это время и должны смело пройти до конца предназначенный нам путь. <...> Терпеливо и без надежды стоять на проигранных позициях — таков наш долг. Стоять, как тот

римский солдат, чьи кости нашли перед воротами Помпеи, погибший, потому что ему забыли отдать приказ об отходе во время извержения Везувия. <...> Этот полный чести конец есть единственное, чего нельзя отнять у человека⁴.

Ждет ли Европу закат, не представляло вопроса. Единственный вопрос был в том, будет ли ее кончина благородной.

Два эссе Поля Валери о «Европе» и «Европейце», относящиеся к 1920-м и 1930-м годам, могут на первый взгляд показаться оптимистичными, написанными в состоянии радостного оживления по поводу победы союзных войск над кайзером. Но потребность Валери определить, что представляет собой Европа и что такое «европейский дух», сама по себе является признаком того всеобщего страха перед будущим, который ощущался в то время в интеллектуальных кругах. Когда в 1922 году он смело заявил, что «по части могущества и ясного знания Европа по-прежнему, даже сегодня, далеко превосходит остальной мир», он неявным образом признавал, что верховенство Европы уже вовсе не столь однозначно и бесспорно, как прежде. Второе эссе, написанное в 1935 году, по понятным причинам более песимистично и пронизано дурными предчувствиями:

Европейский дух, сформировавшийся благодаря многочисленным обменам между народами Европы, ждут, вероятно, потрясения, сравнимые с потрясениями в мире политики и экономики. <...> То, что мы когда-то пытались объединить, то, казалось, тяготеет к объединению силой обстоятельств, сегодня, похоже, раскалывается. И если раскол пойдет дальше, он вполне может привести к тому, что люди на этом континенте будут становиться все менее понятны друг для друга.

Примерно в это время Валери записал свое знаменитое элегическое замечание: «Мы, цивилизованные общества, знаем теперь, что мы тоже смертны».

Похожие высказывания прозвучали в вышедшей в 1935 году «Истории Европы» английского историка Г.А.Л. Фишера, которая с тех пор многократно переиздавалась. Фишер предпринял попытку определить «дух», или «идею», Европы. Начал он с того, что «мы, европейцы, — дети Эллады». К эллинскому влиянию необходимо прибавить христианское: «Исповедовать христианство означало, так сказать, быть принятым в братство европейских наций. Не исповедовать христианство означало быть изгоем и врагом. Значительную часть европейской истории со-

4. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 492.

ставляет извечный конфликт Востока и Запада, который, начавшись с войн Греции с Персией, возобновился затем в виде долгого поединка между христианством и исламом». Будучи примерным английским либералом, Фишер добавляет еще несколько деталей, которые считает существенными для определения Европы: «идеи национальности и ответственного перед народом правительства, свободы и прогресса, демократии и демократического образования», а также «несравненные дары современной науки». Однако в конце этой работы звучат более мрачные высказывания. Первая мировая, признает Фишер, обозначила водораздел в судьбе Европы:

Когда мир покинул Европу, сознание обычных людей в значительной мере покинула та непоколебимая вера в гражданскую свободу и в силу мирного убеждения, которая была отличительной чертой XIX столетия. Война оставила нам порочное наследство. Моральное единство Европы подорвано. Нордическое язычество наступает на христианство. Безумный радикализм грозит разорвать цельную ткань цивилизации. <...> Участники Лиги Наций не сумели воплотить чаянья своих народов. Чувство приближающегося бедствия нависает над Европой⁵.

Именно этому чувству кризиса, распространившемуся среди европейских образованных классов, мы обязаны появлением между 1930 и 1960 годом целого ряда работ, в которых предпринимается попытка дать определение Европе как цивилизации. Их авторы откликнулись на чувство утраты Европой и ее элитой своего высокого положения и на страх или предчувствие сокрушительного поражения от варваров, наступающих извне и изнутри, — американцев, японцев, русских, с одной стороны, и неугомных, необразованных и все более недовольных трудящихся масс — с другой.

К этим работам относятся книга Кристофера Доусона «Создание Европы: введение в историю европейского единства» (1932), несколько книг двух швейцарских авторов, Гонзага де Рейнольда⁶ и Дени де Ружмона⁷, а также двухтомная «Европа: история одной идеи» (1958) итальянского историка Карло Курчио⁸. Первопроходцем был Доусон, выразительно изложивший идеи, по сути, христианского характера. Замечая, что теперь, ко-

5. Fisher H. A. L. *History of Europe*. L.: Edward Arnold, 1938. Vol. 3. P. 1184, 1222, 1244.

6. См., напр.: *De Reynold G. L'Europe tragique*. Paris: Editions Spes, 1934; *Idem. Qu'est-ce que l'Europe*. Fribourg, CH: Éditions de la Librairie de l'Université, 1941; *Idem. La Formation de l'Europe*. Fribourg, CH: Egloff, 1944–1957.

7. См., напр.: *Idem. L'Europe en jeu*. Neuchâtel: Ed. de la Baconnière, 1948.

8. *Curcio C. Europa: Storia di un'idea*. Firenze: Vallecchi, 1958.

гда Россия и Америка избавились от европейского опекунства, а «народы Востока вновь заявляют о правах восточной культуры», «вызов европейской гегемонии брошен со всех сторон», он настаивал на том, что «истинные основания» единства, которыми только и можно «защитить дело Европы» и обеспечить выживание европейской цивилизации, «необходимо искать не в политических или экономических соглашениях, а в восстановлении той духовной традиции, на которой это единство изначально основывалось»⁹. «Европейская культура, — объяснял он в сериях лекций на Би-би-си осенью 1932 года, — с некоторых пор претерпевает процесс секуляризации и материализации, который не только уничтожил ее единство, но и несет в конечном счете угрозу варварства, поскольку означает возврат к племенной морали и низведение демократии до диктатуры масс, а науки — до своего рода утилитарной магии»¹⁰.

Идею, что христианство составляет суть определения Европы (а «быть европейцем» означало в свое время фактически то же, что «быть христианином»), можно найти в очень многих книгах и статьях на тему Европы. Причины очевидны: начиная со Средних веков и вплоть до XVII века самоидентификация Европы как сообщества в значительной мере задавалась мусульманским давлением с Балкан и из Испании, а также татарскими и прочими вторжениями с востока. В то же время идея, согласно которой христианство составляет суть определения Европы, стала проблематичной начиная примерно с середины XX века, когда демографическая ситуация в Европе серьезно изменилась в результате мирного, если и не всегда полностью легального, притока нехристиан. Новые демографические элементы (главным образом мусульмане) явно отличаются от старого еврейского населения Европы. Евреи привыкли занимать маргинальное положение везде, где бы они ни оказывались, и в целом, если их терпели, им было достаточно уже этого. В той мере, в какой им хотелось играть более активную или заметную роль в публичной жизни обществ, где они жили, они готовы были отказаться от своего иудаизма или по крайней мере оставить его дома в кругу семьи. По-видимому, новые переселенцы не привыкли к такому разделению публичной и частной сфер; во всяком случае многие, похоже, его не принимают. Их присутствие подталкивает к нелегкому переосмыслению того, что стоит за словом «Европа», коль скоро ни в христианском, ни в либе-

9. Dawson Ch. *The Making of Europe: An Introduction to the History of European Unity*. N.Y.: Sheed and Ward, 1952. P. xxv.

10. *Idem*. *The Modern Dilemma: The Problem of European Unity*. L.: Sheed and Ward, 1932.

ральном и светском виденьях Европы места им не находится. Кроме того, угасание в большинстве европейских стран христианской веры и христианского уклада сделало утверждение о том, что христианство составляет суть определения Европы, более спорным (или смутным), тогда как пропаганда экстремистских правых расистских движений вроде Британской национальной партии и Национального фронта во Франции привела к тому, что утверждать подобное многим стало неловко.

Образованные люди, оказавшиеся ближе к центрам культуры и влияния, чем я в далекой Шотландии, были серьезно озабочены перспективами Европы, чувствовали ее глубоко упадочное состояние и искали пути ее спасения. Свидетельством этому может служить «На повороте» — автобиография Клауса Манна, сына Томаса Манна, повествующая о молодости, пришедшейся на 1920–1930-е годы. Именно тревога Клауса Манна за будущее Европы привела к тому, что он серьезно заинтересовался — сегодня забытым — панъевропейским движением Куденхове-Калерги. Рихард Куденхове-Калерги, космополит, джентльмен, ученый и дипломат, родился в 1894 году в Токио от матери-японки и отца — австрийско-греческого аристократа. Свое движение за создание Соединенных Штатов Европы Куденхове-Калерги основал в начале 1920-х годов, то есть по следам катастрофической войны, которая полностью стерла с карты империю Габсбургов и различные страны старой Европы, очертания других, таких как прежняя Россия, изменила до неузнаваемости и страшно истощила всех, включая победителей.

Съезды Панъевропейского союза прошли в Вене в 1926, Берлине в 1930, Базеле в 1932 и снова в Вене в 1935 годах. Следующий съезд прошел в 1943 году в изгнании, в Нью-Йорке, куда Куденхове-Калерги бежал из Австрии в 1938 году. Среди многочисленных сторонников движения некоторые были либералами или склонялись к левым взглядам, однако большинство были центристами либо симпатизировали правым идеям. В их число входили Аристид Бриан, французский министр иностранных дел; Густав Штресеман, немецкий министр иностранных дел; Эдуард Эррио, лидер французского кабинета и председатель палаты депутатов; Эдвард Бенеш, президент Чехословакии; Энгельберт Дольфус и Курт фон Шушниг, которые один за другим были канцлерами Австрии; Лео Амери, британский секретарь по делам колоний; также молодой Уинстон Черчилль, молодой Конрад Аденауэр и молодой Морис Шуман. Движение нашло поддержку в среде историков и политических теоретиков, таких как Гульельмо Ферреро, итальянский либерал, и Бертран де Жувенель, французский консерватор. Среди писателей поддержку выказывали среди многих других Т. и Г. Манны, Б. Шоу,

Ортега-и-Гассет, Унамуно и Сальвадор де Мадарьяга; среди музыкантов — Б. Вальтер, Ф. Крейслер и Р. Штраус. Эйнштейн и Фрейд проявляли интерес и благосклонность, а католическая церковь отозвалась о движении с большой симпатией¹¹. Черчилль благоволил движению уже с конца 1920-х годов, и именно после новой встречи с Куденхове-Калерги в Лондоне в 1946 году он, теперь уже великий лидер и творец победы над нацистами, произнес свою знаменитую речь 1947 года в Цюрихском университете, призвав европейские нации объединиться и образовать федерацию, к которой Британия, по-прежнему оставшаяся в глазах Черчилля сердцем мировой империи, не могла присоединиться, но которую приветствовала и была готова поддерживать. И в 1930, и в 1947 годах представление Черчилля о федеративной Европе в точности соответствовало идее Куденхове-Калерги, поскольку последний также исключал Британию (а заодно и Россию) из своей европейской федерации.

Разумеется, идея Европы как чего-то большего, чем географический термин, не была чем-то новым. Уже в раннее Средневековье Европа ассоциируется не просто с регионом, а с остатками Западной Римской империи и все больше — с христианством. В XVI веке Реформация, формирование могущественных национальных монархий во Франции, Испании и Англии и секуляризация политики (после эпохи Макиавелли) поколебали концепцию Европы как образования, которому неизменно сопутствует христианство, хотя более древняя концепция так никогда и не была окончательно подорвана. Но возрождение учености и обновление классических наук вывели на первый план другое основание для чувства европейской общности и общей европейской культуры. Европе всегда сопутствовала международная и межконфессиональная *respublica litteraria*: она воплощалась в литературе, искусствах и науках, в общем христианском и классическом наследии.

По мере расширения торговли, географических открытий и колонизации влияние Европы распространилось за моря, а опасность со стороны ислама спала. Новая уверенность европейцев в своих силах стала выказывать себя в творениях космополитического и оптимистичного XVIII века. Вольтер, к примеру, проявил необычайно великодушную открытость по отношению к другим культурам, а в своих *Essai sur les mœurs* впервые создал всемирную историю, радикально порвав с европоцентристской моделью. В то же время Вольтер не скрывал своей гордости за достижения и растущее влияние Европы, столь не-

11. *Kajima M. Coudenhove-Kalergi. Le Pionnier de l'Europe unie. Lausanne: Centre de recherches européennes, 1971. P. 101–105.*

соразмерные ее скромному статусу самого маленького из континентов: он ее называл *notre petite Europe*. Вильям Робертсон, ректор Эдинбургского университета и крупный историк Просвещения, объявил в предисловии к своей «Истории правления императора Карла V» (1769), что невозможно больше писать историю одной европейской нации, не занимаясь при этом написанием истории всех остальных. Его более знаменитый современник Эдвард Гиббон писал в «Истории упадка и крушения Римской империи», что вдумчивый историк должен

...смотреть на Европу как на огромную республику, разнообразные обитатели которой достигли почти одинакового уровня благовоспитанности и умственного развития. Баланс сил будет в пользу то одной, то другой державы, благосостояние нашего или соседнего государства может то увеличиваться, то уменьшаться, но эти частные перемены не в состоянии нарушить нашего общего благосостояния, не в состоянии уничтожить тех искусств, законов и нравов, которые так возвышают европейцев и их колонии над остальным человечеством¹².

Эдмунд Берк пишет о «совокупности наций, содружестве, фактически представляющем собой одно большое государство, имеющее при некотором разнообразии местных обычаев и установлений единое основание в лице общих законов». Берк — один из тех, кто подчеркивает христианскую составляющую идеи Европы. В «Письмах по поводу предложения о мире с Директорией Франции, виновной в цареубийстве» (1796) он пишет:

Европейские нации исповедовали одну и ту же христианскую религию, пребывая в согласии относительно фундаментальных вопросов, расходясь немного в церемониях и второстепенных доктринах, тогда как общая форма правления и экономического устройства произошла во всех странах Европы из одних и тех же источников, а именно древних германских или готских обычаев и феодальных учреждений, которые следует рассматривать как порождения этих обычаев... когда благодаря римскому праву все перечисленное было упорядочено и превращено в систему.

Всего несколькими годами ранее, как раз перед началом французской революции, Антуан де Ривароль отмечал, что Европа достигла в мире

...степени могущества, не имеющей прецедентов в истории: количество ее столиц, скорость и частота, с которыми люди передви-

12. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 532.

гаются между ними, развитие публичных и частных коммуникаций превратили ее в одну необъятную республику, состоящую из империй и королевств, более могущественных, чем все те, что когда-либо существовали прежде.

Все эти взгляды на Европу были по существу федералистскими: Европа была «совокупностью», «содружеством». Она состояла из государств — главным образом западно- и центральноевропейских, — которые выросли вместе и имеют за плечами совместную историю и общее культурное наследие; равновесие между ними поддерживалось так называемым балансом сил. У Наполеона, с другой стороны, была идея единого европейского государства. Император, как мы можем узнать из «Мемориала Святой Елены»,

...стремился установить единые принципы, единую систему повсюду: общеевропейский закон, общеевропейский верховный суд с неограниченными полномочиями по пересмотру всех неправильных решений, валюту с единой стоимостью, но в разной монете *avant la lettre*, единые меры размера и веса, единые законы и т. д. Все европейцы превратились бы вскоре в одну нацию, и любой путешественник, куда бы он ни направился, всегда оказывался бы на родине.

Эти два конкурирующих понятия — Европы как федерации государств и Европы как федеративного государства — живы до сих пор; современные дебаты не новы, и европейцы привыкли к ним (как, разумеется, и американцы).

Эти дебаты возникли, к примеру, вокруг Германии после того, как Наполеон официально ликвидировал Священную Римскую империю: должна ли была Германия превратиться в *Staatenbund* (конфедерацию или лигу отдельных государств) или же в *Bundestaat* (федеративное государство)? Такие дебаты возникли и после гражданской войны, разделившей в 1847 году швейцарские кантоны на два враждующих лагеря: с одной стороны — протестантские и либеральные кантоны, склонные поддерживать большую централизацию, с другой — кантоны католические и консервативные, которые, будучи беднее и слабее, боялись оказаться поглощенными федеративной системой. Своего добились первые, и по федеральной Конституции Швейцарии 1848 года конфедерация независимых кантонов трансформировалась в федеративное государство. Зачастую такая трансформация, похоже, происходит в ответ на имеющуюся угрозу. В случае Швейцарии и Германии — со стороны больших, превосходящих в мощи унитарных государств у их границ; в случае современной Европы — со стороны США и СССР...

В XIX веке, как и в XVIII, многие писатели приходили к мысли о единстве европейской культуры, а некоторые даже выдвигали проекты общеевропейской политической федерации: Гете, Гегель, Шлегели, Сен-Симон (чей проект объединенной Европы был опубликован во время Венского конгресса), Новалис (наметивший в своей статье *Die Christenheit oder Europa* возможности объединения Европы на христианских основаниях), Прудон и Гюго. Но все эти идеи, за исключением, быть может, проекта Сен-Симона, были, как заметил Генрих Манн, плодами умов поэтов. Согласно Сулье, идея общеевропейского единства

...не была сформулирована вплоть до XIX века, да и тогда лишь в умах некоторых философов и поэтов, в период, когда стали очевидны важные перемены в жизни Европы: с одной стороны, установленным общеевропейским политическим порядком всерьез угрожали появившиеся на континенте националистские движения; с другой — на прочих континентах на глазах великих европейских держав происходил подъем новых держав, которые со временем могли бросить вызов господству первых в остальном мире. Но ни одно правительство в то время так и не вынесло подобную идею на рассмотрение¹³.

Не только правительства не поддержали эту идею: она не получила поддержки и со стороны населения. Популярного понятия Европы не существовало, выражение «быть европейцем» не имело в XIX веке того популярно доступного смысла, какой имели выражения «быть немцем», «быть французом» или «быть британцем». Возможно, смысл имело выражение «быть белым», указывая на отличие от «цветных» народов необъятных европейских колоний и империй, от африканцев и азиатов; возможно, «быть христианином» — в противоположность язычникам, индуистам, буддистам или прежде всего мусульманам. Поскольку термин «европеец» означал, по-видимому, «белый христианин», было бы интересно посмотреть, насколько часто он использовался для отличия христиан в Америке, Канаде или Австралии от коренных американцев, австралийских аборигенов, маори или от живущих в Америке азиатов и африканцев.

Кем ощущали себя европейцы по крайней мере в XIX веке и начале XX, так это французами, немцами, итальянцами, испанцами, поляками и т. д. Куденхове-Калерги отметил это положение дел в одной из своих ранних книг:

Раскол западных христиан [на протестантские и католические нации], секуляризация Европы, просвещение — все это обер-

13. Soulier G. Op. cit. P. 6.

нулось разрушением тех духовных уз, которые внутренне связывали народы. Язык стал наследником религии. Каждый европейский народ создал национальную литературу, произведения которой распространились повсюду, размноженные печатным станком. Эти национальные литературные традиции разделили Европу на определенное количество сообществ, у каждого из которых была своя школьная программа и которые в результате разнообразия языков не могли достичь взаимопонимания. Обязательность школьного обучения вынуждала каждого европейца присоединиться к сообществу с той или иной национальной школьной программой. Эти сообщества со своими школьными программами, частицы европейского духа, и есть нации. Они — секулярно-религиозные сообщества, сплоченные таинством языка и культом национальных поэтов и национальных героев. Школа, литература, печать — такова анатомия современной нации¹⁴.

В свете этих замечаний понятно, почему Якоб Буркхардт, европеец старой закалки, человек *ancien régime* (он был родом из древнего свободного города-государства Базеля, не принадлежал ни к одной из этих новых наций и смотрел на них с недоверием), мог пойти против веяний своего времени, наградив презрением и печать, и обязательное школьное образование. Прежняя *respublica litteraria* была объединена общим знанием латыни, а то и греческого — даже после того как ученые начали писать исключительно на местных языках. При этом один из этих местных языков, французский, стал средством коммуникации большинства образованных европейцев. Именно массовая грамотность, а также национализация и демократизация школьного обучения спровоцировали, согласно Буркхардту (эту мысль в более или менее явной форме разделял и Куденхове-Калерги), национализм XIX и начала XX века и подорвали прежний европейский космополитизм — «культуру старой Европы», как любил выражаться Буркхардт. Таким образом, идея общеевропейского сообщества в той или иной форме имела место на протяжении многих веков. Некоторые авторы даже выдвигали проекты политического объединения. Но, похоже, Куденхове-Калерги был первым, кто создал реальное и более-менее успешное политическое движение на основе конкретных проектов европейской федерации и сколько-нибудь успешно апеллировал к чувству принадлежности к европейцам (по крайней мере у наиболее образованных высших классов). В своем поиске союзников и сторонников он был столь же неутомим, сколь и неразборчив. Хотя он резко выступал против Гитлера и недвусмысленно осуждал нацизм и антисемитизм, он с гордостью сообщает, что в 1923 году написал открытое письмо Муссолини,

14. Coudenhove-Kalergi R. Pan-Europe. N.Y.: Knopf, 1926. P. 157–158.

умоляя того «спасти Европу», посодействовав улаживанию отношений между Германией и Францией, и сделать тем самым первый шаг на пути к европейской федерации¹⁵. Реальная опасность для Европы, говорил он Муссолини, исходит не от Германии, а от Запада (от США) — в экономическом отношении и от Востока (СССР) — в политическом.

Любопытно обнаружить на этом этапе ясно сформулированную идею о том, что Европе угрожают две новые могущественные державы — на Западе и Востоке. (Намеки на нее можно обнаружить ранее у таких авторов, как Мишле и Токвиль.) Ведь по крайней мере для некоторых основателей нынешнего Европейского союза отправной точкой было представление о том, что объединение Европы должно послужить средством противостояния растущему влиянию США и СССР: как первые, так и второй виделись современными массовыми обществами и рассматривались как в той или иной степени материалистические и «неисторические» (так Буркхардт однажды сказал об американцах). Другими словами, Штаты и СССР представлялись оторванными от древних культурных традиций Европы. Вдобавок Куденхове-Калерги выразил в то далекое время страхи по поводу возможного союза между Германией и Россией, который передвинул бы европейскую границу к Рейну и столкнул бы Европу лицом к лицу с восточным суперкоLOSSом. Это была бы «одна из серьезнейших опасностей для судеб Европы». Действительно ли важен, спросит кто-то, был для основателей Европейского союза проект европейского Третьего пути — между американским капитализмом и русским коммунизмом в направлении своего рода христианского социализма? И действительно ли важной задачей было удержать Германию в лоне Запада, предотвратив тем самым ужасающее возникновение суперкоLOSSа на Востоке? Даже сегодня идея Третьего пути сохраняет некоторое влияние. Многие европейцы, не выказывая даже намека на возвращение к марксизму, испытывают тем не менее неудовлетворенность по поводу так называемого англосаксонского решения проблемы послевоенного государства всеобщего благосостояния. Сходным образом удержание Германии в самом лоне Европы, похоже, остается главной задачей французской политики — задачей, ради которой французские правительства, включая социалистские, похоже, готовы пожертвовать значительной частью собственной свободы действий, особенно в том, что касается экономических вопросов.

В 1933 году, через десять лет после своего первого письма Муссолини, Куденхове-Калерги вновь обратился к Дуче с просьбой

15. *Idem.* Europa Erwacht! Zurich: Paneuropa, 1934. P. 94–96.

поддержать панъевропейское движение. В этот раз Куденхове-Калерги отправился в Рим для личной встречи, и рассказ об этом событии в его мемуарах дает понять, что он был сильно потрясен¹⁶. В целом не похоже, чтобы он полностью отвергал то, что он определял как «умеренный фашизм в духе Салазара в Португалии или Дольфуса в Австрии, основанный на авторитарном правительстве, корпоративном представительстве и христианской этике, не зараженной язычеством и антигуманизмом гитлеровских расовых доктрин»¹⁷. Уничтожение Дольфусом в 1933 году Австрийской Республики, роспуск им австрийского парламента, его отказ разрешить новые выборы — все это, утверждал Куденхове-Калерги, было существенно важно для защиты независимости Австрии от нацистской Германии, чего социал-демократы, с осуждением называвшие Дольфуса австрийским Муссолини, «были неспособны понять»¹⁸. (Жесткие методы, использованные Дольфусом против социал-демократической оппозиции, Куденхове-Калерги тактично обходит молчанием.) Что касается тех, кто критиковал кардинала Пачелли, занимавшего в 1933 году должность государственного секретаря Ватикана (а позднее ставшего папой Пием XII), за то, что он не занял однозначной позиции в поддержку демократии и против фашизма, «они, по Куденхове-Калерги, исходят из неправильной предпосылки». «С точки зрения католицизма нет оснований коренным образом противиться фашизму», поскольку «католицизм является фашистской формой христианства, демократическое крыло которого представляет кальвинизм». Эта идея объясняет (к удовлетворению Куденхове-Калерги; современные американские католики едва ли с ним согласятся), почему «католические нации принимают фашистские доктрины охотнее, чем протестантские». Когда придет время переустройства Европы, объявил Куденхове-Калерги в своих мемуарах (изданных в 1943 году), надо будет держать в уме этот «факт» относительно природы католицизма и протестантизма. Ведь, устраивая новую Европу, необходимо будет примирить протестантский акцент на персональной совести и католический акцент на авторитете и послушании¹⁹.

Хотя сегодня странно читать все это, другие рассуждения выглядят еще страннее. Куденхове-Калерги предполагает, что, будь у Гитлера более выраженная «политическая жилка», он бы осознал идею Панъевропы в момент падения Франции.

16. *Coudenhove-Kalergi R. Crusade for Pan-Europe: Autobiography of a Man and a Movement. N.Y.: Putnam, 1943. P. 169–176.*

17. *Ibid. P. 174.*

18. *Ibid. P. 163.*

19. *Ibid. P. 174.*

Куденхове-Калерги пишет в своих мемуарах:

Сразу после перемирия Гитлер мог заключить щедрый и окончательный мирный договор с фашистским правительством Франции, мир без каких-либо территориальных концессий, на основе военного, политического и экономического союза. Затем он мог бы основать верховный совет Европы, который состоял бы из него самого, Муссолини, Петена и Франко и где он сам был бы председателем. Этот общеевропейский совет, основанный на правовом равенстве при гегемонии Германии *de facto*, позволил бы достичь экономического единства Европы и авторитарными средствами обеспечил бы социальные реформы по всему континенту. Опираясь на такую федерацию, Гитлер смог бы предпринять наилучшие меры для того, чтобы гарантировать себе хорошие отношения с Америкой и Россией до тех пор, пока Британия не пошла бы на тот или иной компромисс с объединенным континентом.

Гитлер принял плохое решение, выбрав политику эксплуатации и репрессии побежденных народов, что сделало создание настоящей Панъевропы фактически невозможным²⁰. Некоторые из высказываемых британцами подозрений по поводу Европы (в 1997 году Дэниэл Джонсон, колумнист из лондонской *Times*, сослался в статье в *Washington Post* на гитлеровский «новый порядок» как идею, предвосхитившую объединенную Европу²¹) предстанут не столь ограниченными и шовинистскими (на британский манер) в свете предположений Куденхове-Калерги о том, что Гитлер «мог бы сделать», окажись у него более выраженная политическая жилка или, возможно, что он «должен был сделать» (с точки зрения Куденхове-Калерги).

Я поднимаю тему сравнительно терпимого отношения Куденхове-Калерги к некоторым «умеренным» формам фашизма не для того, чтобы исподволь провести мысль, будто проект Европейского союза несет в себе нечто фашистское, а чтобы поставить вопрос: не заключено ли в идее европейской цивилизации (как отличной от западной цивилизации) нечто аристократическое, признание того, что элиты должны располагать властными полномочиями и что элитарный элемент культуры столь же важен как демократический? Когда в ранние годы Реставрации, вскоре после французской революции, Л. фон Ранке представил Европу как совместное творение романских и германских

20. Ibid. P. 230–31.

21. Johnson D. Vive la Drift! Euro or No, European Unity is an Idea Without Currency // *Washington Post*. 15 June 1997; данное замечание уже ранее было высказано Иэном Бурумой в: *Buruma I. The Europeans // New Republic*. 5 August 1991. P. 21–24.

народов, он подразумевал, в частности, что Европе предназначено найти и сохранить баланс между тем, что он определял как демократический и эгалитарный импульс французов, и его противовесом: традиционалистским и аристократическим влиянием германских народов.

Я хотел бы еще немного задержаться на фигуре Куденхове-Калерги, на что у меня есть три причины. Во-первых, в его многочисленных книгах, большинство из которых довольно однообразны, собраны разрозненные представления о Европе, которые, похоже, были крайне распространены и которые можно найти во множестве работ, не посвященных идее Европы или общеевропейского единства напрямую. Существует, к примеру, идея, согласно которой Европа с ее относительно небольшой территорией отличается необыкновенным географическим, историческим и культурным разнообразием, что отличает ее как от пустынных просторов Нового Света, так и от монотонности и единообразия бескрайней суши Востока. С одной стороны, были европейские свобода, энергия, индивидуализм и конкуренция (в рамках закона), с другой — восточные деспотизм и повиновение. Не случайно гарем — деспоты, евнухи и покорные женщины — стал играть роль символа Востока в целом. Вольтер, Ранке, Жюль Мишле, Гегель, Фридрих Шлегель и Винченцо Джоберти (итальянский политический философ XIX века) — лишь немногие из тех, у кого можно найти эту идею. И в сегодняшних дискуссиях вы по-прежнему ее найдете. Собрав воедино этот и подобные стереотипы, Куденхове-Калерги обратил их в своего рода европейскую доктрину.

Во-вторых, Куденхове-Калерги, по моему мнению, был первым, кто создал историю идеи Европы, кто снабдил проект Панъевропейского союза родословной²². До него (у Берка, скажем, или у Сен-Симона) могли встречаться случайные ссылки на средневековую церковь или на греко-римское наследие как на важные факторы, удерживавшие европейские державы от слишком серьезного противостояния друг другу и создававшие культуру, общую для всех европейских народов. Куденхове-Калерги устанавливает хронологию не только постепенного учреждения и определения Европы как географической и политической *сущности* (от протоевропейских форм, таких как древнегреческие города-государства и средиземноморская империя римлян, до первого панъевропейского образования в Священной Римской империи германцев), но и развития *идеи* Европы и *проекта* Европы как федерации государств. Звеньями в цепи идеи Европы были Данте (*De Monarchia*, 1308); Пьер Дюбуа, нормандский юрист и со-

22. См. в особенности: *Coudenhove-Kalergi R. Europa Erwacht!* P. 26–54.

временник Данте, автор «Трактата о сокращении войн и тяжб»²³ (примерно 1300); Йиржи из Бодебрада, король Богемии в XV веке; Генрих IV французский и его министр Сюлли; император Карл V; Уильям Пенн, который среди прочего был еще и автором «Опыта во имя мира в Европе в настоящем и будущем»²⁴ (1694); аббат Сен-Пьер («Проект вечного мира»²⁵, 1712, популяризованный Руссо); Наполеон; Сен-Симон и его ученик Огюстен Тьерри; Новалис; Ламартин; Гюго; наконец, «последний из великих пророков общеевропейского единения» Ницше — все они формулировали идеи европейского единства либо его необходимости. Эта последовательность была позаимствована более поздними авторами, например де Ружмоном, и быстро стала общепринятой генеалогией идеи Европы. Теперь претворение европейской федерации в жизнь предстало реализацией векового проекта, осуществлением древней мечты, к чему Европа в той или иной степени сознательно шла на протяжении тысячи лет. Но, вопреки усилиям Куденхове-Калерги, многим современным историкам, включая Сулье и Жана-Батиста Дюроселя²⁶, автора *L'Idée de l'Europe dans l'histoire* (1965), такое многовековое согласованное стремление к общеевропейскому единству представляется крайне спорным. В-третьих, Куденхове-Калерги полагал, что вопросы власти не менее существенны для панъевропейского движения, чем вопросы культуры, а своей целью считал подготовить Европу к сражению в новой мировой битве за власть. Отправной точкой для Куденхове-Калерги, как и для всего современного движения за объединенную Европу, было осознание элитами того, что обществам, к которым они принадлежат, угрожают одновременно левые и правые радикалы (изнутри) и новые мировые державы на Западе и Востоке (извне). Эти элиты, если они надеялись сохранить свою преемственность, должны были организовать ее. А в самой преемственности отводилось место как явно либеральным и демократическим, так и явно авторитарным режимам. Предполагалось, напомню, что разнообразие — черта, отличающая Европу от прочих цивилизаций.

Куденхове-Калерги противопоставлял картину Европы на пике ее могущества в середине XIX века (как ее изобразил Ранке) тому жалкому зрелищу, которое Европа представляла собой в конце второго десятилетия XX века. Ранке описывал,

23. *Dubois P. Summaria brevis et com pendiosa doctrina felicit expeditionis et abreviationis guerrarum ac litium regni Francorum.* — *Прим. пер.*

24. *Penn W. An Essay Towards the Present and Future Peace of Europe by the Establishment of an European Dyet, Parliament, or Estates.* — *Прим. пер.*

25. *Castel de Saint-Pierre Ch.-I. Abrégé du Projet de paix perpétuelle.* — *Прим. пер.*

26. В оригинальной транскрипции *Batiste Duroselle.* — *Прим. пер.*

как Европа «противостояла остальному миру как единый организм», несмотря на «многочисленные внутренние противоречия и антагонистические тенденции»:

Прошлое видело расцвет других наций и других групп народов, вдохновленных другими принципами. Они создали собственные учреждения и развили их до впечатляющего уровня: сегодня от них фактически ничего не осталось. Какой могущественной и грозной для Европы силой был некогда ислам! Не так давно монголо-татары пронесли по всей Польше, дойдя до самых границ Германии; турки захватили Венгрию и осадили Вену. Сегодня, однако, Османская империя сокрушена христианством и всячески ослаблена. Когда мы говорим «христианство», мы имеем в виду не просто религию; столь же неадекватны и термины «культура» и «цивилизация». Это гений Запада. Это дух, который превращает людей в хорошо организованные армии, строит дороги, роет каналы, покоряет моря, заполняет колониями далекие континенты, исследует глубины природы средствами точных наук, проникает во все сферы знания, непрестанно обновляет себя, не теряя при этом из виду вечных истин; дух, поддерживающий среди людей господство закона и порядка, несмотря на разнообразие их страстей. На наших глазах этот дух делает гигантские шаги вперед. Он вырвал Америку из рук необузданных сил природы и непокорных племен, которые ее населяли; по разнообразным дорогам проник он в самые удаленные районы Азии, где только Китай по-прежнему для него закрыт; он окружил Африку по всему ее побережью. Неодолимый, многообразный, непревзойденный, непобедимый благодаря своему оружию и своей науке, он завоевывает мир²⁷.

С этим триумфальным образом Европы резко контрастирует озвученное в «Панъевропе» Куденхове-Калерги мрачное признание поражения и унижения: «Первая четверть XX века стала свидетельницей низвержения Европы с трона мирового господства. Сегодня Европа перестала быть центром мира, равно как и политической или экономической силой. Мир освободил себя от Европы». Или, как он вновь замечает в более поздней книге,

...мировое господство Европы, берущее свое начало в XVI веке, подошло к концу в период мировой войны. Уже ранее серьезным ударом по нему стало освобождение Америки. Другой удар оно перенесло на рубеже веков: победы Соединенных Штатов над Испанией и новой военной державы Японии над Россией. Отныне Америка и Азия в равной мере соперничают с Европой, мировое господство которой навсегда утрачено. <...> Разделенная

27. Van Ranke L. History of Serbia and the Servian Revolution / L. Hay Kerr (Trans.). L.: Henry G. Bohn, 1853. P. 365.

Европа стоит перед лицом трех набирающих силу мировых держав [США, СССР, Японии]. Даже если она объединится, ей никогда не вернуть своего утерянного господства. Но она все еще может сохранить свои позиции на мировой арене и свой статус противника, равного этим трем, в том случае (но только в том случае!), если она объединится, причем сделает это вовремя²⁸.

Предостережением должен послужить «пример падения греческого мира в результате его разобщенности и раздробленности. Подобно тому, как Европа лежит между Советским Союзом, Америкой и Азией, Эллада была зажата между великими державами Македонией, Италией и Персией, превосходя их все своим гением, но уступая им в силу своей разобщенности»²⁹. Если государства Европы намереваются избежать судьбы греческих полисов, им стоит найти способ сплотиться. Другой предостерегающий пример берется из истории Германии XVII века. Когда ее многочисленные маленькие государства стали пешками в руках новообразованных могущественных национальных государств — Франции, Англии, Швеции, — Германия стала театром военных действий всей Европы. «Англия и Франция, — как пишет об этом Куденхове-Калерги, — разрешали свои разногласия по колониальным вопросам на германской земле и во многом руками германских солдат»³⁰.

Представление Куденхове-Калерги о геополитической ситуации межвоенного периода простое. Есть пять мировых держав, или «областей власти планетарного масштаба», как он их называет: американская (иногда называемая *Weltreich Amerika*, или Пан-америка), британская (иногда называемая *Weltreich Britannien*, или империя Юга, поскольку значительная ее часть лежит в Южном полушарии: Индия, Аравия, Австралия, Западная, Восточная и Южная Африка), русская (*Weltreich Sowjetunion*, или империя Севера, поскольку она протянулась от Гималаев до Арктики), восточноазиатская (также известная как *Weltreich Ostasien*, или империя Востока), охватывающая Японию и Китай) и европейская (*Weltreich Europa*, которая не ограничена географическими рамками Европы, но включает африканские колонии европейских держав и «охватывает континентальную Европу от Нордкапа до Мореи и западную половину Африки от Триполи и Марокко до Конго и Анголы») ³¹. Ни намек на деколонизацию или самоопределение народов! Не ставится под вопрос и отождест-

28. Coudenhove-Kalergi R. Europe Must Unite / Sir A. McFadyean (Trans.). Glarus, Switzerland: Paneuropa, 1939. P. 92.

29. Ibid. P. 95; ср.: *Idem.* Pan-Europe. P. 51–54; *Idem.* Europa Erwacht! P. 11–14.

30. *Idem.* Pan-Europe. P. 19.

31. Ibid. P. 14–16, 99; *Idem.* Europa Erwacht! P. 66–89.

вление Европы с так называемой белой расой. Несмотря на свою частую и резкую критику антисемитизма и идеи европейской расовой чистоты³², наполовину японец Куденхове-Калерги недвусмысленно определяет Европу как «ядро белой расы и центр ее цивилизации» и предупреждает, что «судьба белого человечества, его взлет и падение зависят от судьбы Европы»³³. Он без всякого смущения перечисляет территории и народы, подлежащие власти этого «белого человечества», и явно полагает, что они должны оставаться в таком состоянии и тогда, когда установится предлагаемый им идеальный новый порядок.

Необходимость создания федеративной Европы, как ее представляет себе Куденхове-Калерги, оправдывается почти исключительно ссылками на геополитические интересы Европы, противопоставляемые интересам Америки, Азии, Британской империи и прежде всего Советского Союза. Тогда как объединение Европы преследует цель обеспечить мир между европейскими нациями (во многом так же, как объединение Германии обеспечило мир между бывшими германскими государствами), всемирный мир будет зависеть (как некогда зависел мир в Европе) от поддержания «баланса сил» пяти великих империй. Таким образом, похоже, что создание Панъевропы достаточно тесно перекликается с осуществленным Бисмарком созданием объединенной Германии, которое усилило позиции Германии перед лицом других европейских государств, не предоставляя в обязательном порядке более твердой основы для мира между ними.

Поразительно, но в Лиге Наций Куденхове-Калерги видит противоборствующий идеал, англосаксонскую ловушку, которая легла на пути Европы, заставив принять «мир на англосаксонских условиях». Как он пишет в работе *Europa erwacht!*, «вместо четырехсотлетнего мирового верховенства Европы мы имеем мировое верховенство англосаксов»³⁴. Еще в 1923 году он жаловался:

Лига Наций создает непрекращающуюся угрозу для независимости Европы. Благодаря ей неевропейские державы Латинской Америки, Восточной Азии и Британская мировая империя имеют законные санкции на вмешательство в европейские дела, тогда как Великобритания опротестовала бы любое вмешательство в свои имперские дела со стороны европейских государств; и, сходным образом, Соединенные Штаты с их доктриной Монро возмущались бы любому вмешательству в американские дела. Европа должна решительно выступить против такой опеки со сто-

32. *Coudenhove-Kalergi R.* Europe Must Unite. P. 127–128; *Idem.* Das Wesen des Antisemitismus. Vienna: Paneuropa, 1992.

33. *Idem.* Europe Must Unite. P. 129.

34. *Idem.* Europa Erwacht! P. 91.

роны Лиги Наций. Через сто лет после Америки Европа должна провозгласить собственную доктрину Монро: «Европа для европейцев!»³⁵

В нынешних условиях стремительной глобализации геополитические идеи, стоящие за проектом Куденхове-Калерги, могут показаться причудливым анахронизмом. Действительно, Сулье дошел до того, что поставил вопрос о том, не были ли задачи объединенной Европы сняты с повестки дня самим ходом событий — в свете возникновения мирового рынка и свободной торговли в планетарных масштабах под защитой ГАТТ и Всемирной торговой организации и в свете усиления всеобщих обязательств признавать мультикультурализм и остерегаться европоцентризма³⁶. Иными словами, Сулье спрашивает, не является ли проект Европейского союза идеей, которая устарела еще до того, как достигла своего расцвета.

Обсуждая границы Европы, в частности ее восточную границу, Куденхове-Калерги предвосхищает основные вопросы, поднятые Калецким в книге «Пределы и деление европейской истории». Куденхове-Калерги утверждает, что восточная граница — это не обязательно Урал. Пока Россия рассматривала себя как европейскую державу и принимала европейскую цивилизацию — пока она была Российской империей со времен Петра Великого и до революции 1917 года, — Урал, будучи восточной политической границей исконно русской земли, мог рассматриваться как восточный рубеж Европы. Но Куденхове-Калерги напоминает своим читателям, что частью Азии (под владычеством монголо-татар — с 1200 по 1498 год) Россия была дольше, чем частью Европы; и даже на протяжении двух веков своей европейской жизни, говорит он, Россия «внешне принимала культурные формы Европы, не делаясь европейской в своем сердце»³⁷. В любом случае с момента революции Россия рассматривает себя уже не как сердце империи, а как часть союза коммунистических стран, протянувшегося от Балтики до Тихого океана. В итоге «революция 1917 года расколола царскую империю на две неравные части. Финляндия, страны Балтики, Польша и Бессарабия присоединились к западному культурному миру, тогда как остальные части царской империи решительно отвергли эту культуру и традицию с тем, чтобы создать новый уклад жизни, новое общество и новую экономическую систему на большевистских основаниях». Более того, «большевизм

35. *Idem*. Pan-Europe. P. 89–92.

36. *Soulier G.* L'Europe. P. 6.

37. *Coudenhove-Kalergi R.* Pan-Europe. P. 30–31.

порывает с той европейской цивилизацией, которую привнес Петр Великий и его последователи. Он поворачивается спиной к христианской и демократической Европе»³⁸. По словам Куденхове-Калерги, Россия предпочла «евразийское» решение вопроса о своей идентичности³⁹. Панъевропеец Куденхове-Калерги и русские славянофилы оказываются в согласии: Россия на самом деле не входит в Европу.

Столь же проблематичным какое-то время было положение страны на противоположном конце европейского континента — Британии. Предвосхищая де Голля, Куденхове-Калерги исключал Британию из своей идеальной европейской федерации, видя в ней потенциального вредителя. Если, однако, Британия когда-нибудь перестанет быть имперской державой, признавал он, и если она откажется от своих «особых связей» со Штатами, Канадой, Австралией и так называемым англосаксонским миром (как и де Голль, он сомневался, что она когда-нибудь сможет или захочет сделать это), то вопрос о ее исключении можно и нужно будет пересмотреть. Этот пересмотр дела, конечно, имел место, и Британия, лишенная своих имперских владений, запоздало вступила в ЕЭС. Но не похоже, что сомнения, высказанные Куденхове-Калерги и де Голлем, потеряли всю свою актуальность. Хотя британцы, видимо, смирились с относительно скромной ролью на мировой сцене и рассматривают свою имперскую значимость как безвозвратно ушедшую в прошлое, они остаются наименее заинтересованными и наиболее скептически настроенными членами Европейского союза, в точности как предсказывал Куденхове-Калерги. Наконец, существует до сих пор не решенный вопрос о том, является ли частью Европы Турция. Оказывается, Куденхове-Калерги высказывался и на эту тему. Светская, ориентированная на Запад Турция, считал он, несомненно, должна быть включена в Европу, и это включение Турции было, по его мнению, освящено Лозаннским мирным договором 1923 года, когда в переговорах с новой светской Турецкой Республикой Кемаля Ататюрка было пересмотрено соглашение, навязанное прежней Османской империи в конце Первой мировой войны как одной из побежденных держав. Однако Куденхове-Калерги был уверен, что исламская Турция никогда не смогла бы стать частью Европы, и сегодня, почти столетие спустя, многие убежденные европейцы продолжают считать, что христианская Европа не может дать приют большой мусульманской стране. В этом смысле высказался и папа Бенедикт XVI. Так или иначе, в качестве кандидата в члены Ев-

38. *Coudenhove-Kalergi R. Pan-Europe. P. 31; Idem. Europe Must Unite. P. 97–100.*

39. «Евразийское решение» — термин Калецкого.

росоюза Турция сидит в зале ожидания с 1963 года, и ее терпение начинает иссякать.

Согласно словам Ранке, написанным на заре эры национализма, существование национального государства оправдывается тем, что оно обеспечивает защиту национальных культур. Очевидное практическое политическое преимущество Европейского союза состоит в его способности в качестве федерации представлять интересы приблизительно 500 миллионов жителей входящих в него государств (или по крайней мере интересы крупных предприятий, от которых зависят средства к существованию и благосостояние многих из числа этих миллионов) более эффективно, чем любая из стран-участниц могла бы сделать в новых условиях всемирной экономики в одиночку. Но в некотором отношении ЕС также видит своей задачей защиту и поддержание европейской культуры — и даже в какой-то мере создание новой, более цельной европейской культуры. В глазах приверженцев федеративной Европы валютный союз, отмена границ и барьеров оправдываются не только экономическими соображениями, не только служат гарантией того, что между европейскими государствами не будет больше войн; федерация, кроме того, призвана защитить европейские традиции от различных предполагаемых угроз, например со стороны американской поп-культуры. Но что это за «дух» Европы, что за особая культура, которую новообразованный ЕС призван воплощать, защищать и поощрять? Как уже было отмечено, он, похоже, имеет некоторое отношение к христианству, понимаемому как форма культуры и традиция, но точно не как религия, коль скоро все меньше и меньше европейцев остаются правоверными или хотя бы просто верующими христианами. Похоже, европейский дух также имеет связь (даже сейчас это признает кто угодно) с греческими эстетическими и политическими идеями и с римскими идеями права и управления — так же, как и с «германскими» идеями свободы, — даже если не все страны Европы в равной мере были затронуты этими веяниями и даже если знание классической культуры и языков больше не является стандартом в кругах европейских элит. Беспристрастный поиск истины с использованием разума и принятых по общему согласию правил доказательства, применение полученного таким образом знания в технологиях, упрочивающих контроль человека над окружающей средой, одним словом, научная традиция также связывается с духом Европы. Сходным образом исконно европейским считается особый акцент на торговлю (и шире — свободный обмен благами и идеями), на ценность индивидуальности и права индивида.

Предположительно Европа должна защищать и поощрять весь этот набор ценностей и практик. Но делает ли это ее в ка-

ком-либо отношении отличной от «западной культуры», которую с Европой делят Северная Америка, Австралия и другие части света? Приступить к ответу на этот вопрос можно было бы, взглянув в прошлое и посмотрев, каким образом термин «американский» использовался европейскими авторами, занимавшимися вопросами культуры, например Мэтью Арнольдом или Якобом Буркхардтом или, если уж на то пошло, американцем Генри Адамсом. Для Арнольда и Буркхардта понятие «американский» означало прежде всего господство большинства над меньшинством, массовых ценностей над ценностями элиты, актуального или современного над предшествовавшим и традиционным и в целом своего рода историческое безразличие или амнезию, недостаток интереса и уважения к исторической и культурной преемственности. Такое положение дел они связывали с политической демократией. Арнольд предполагал, что демократия непременно придет в Британию и станет для нее чем-то новым. «Своей политической свободой Англия в большей степени обязана алчным английским баронам, нежели демократии, — писал он в 1869 году в эссе «Демократия». — У нас еще никогда не было самоуправляющейся демократии или чего-то на нее похожего». Проблема была в том, чтобы, по его выражению, «сохранить высокие идеалы» в условиях демократии: «Нашему обществу суждено стать более демократическим: кто или что в этом случае станет для нации источником высоких принципов?» Ведь раньше источником «высоких принципов» были аристократия, элиты того или иного вида, но теперь они стремительно утратили власть, в том числе над людскими умами:

С одной стороны, народные массы в этой стране готовятся принять намного более активное, чем прежде, участие в определении ее судьбы; с другой — аристократия, находясь под угрозой потери места у руля правления, теряет и то влияние на дух и нравы народа, которое она долгое время оказывала. На какое действие мы можем рассчитывать взамен на то воздействие аристократии на народ, влияние которого, во многом благотворное, нам довелось испытать, но которое стремительно и по неизбежным причинам исчезает? Иными словами, если воспользоваться емким современным выражением, понятным каждому, какого рода влияние способно помочь предотвратить американизацию английского народа по мере роста демократии?⁴⁰

Подразумеваемое значение слова «европейский» предположительно, наоборот, состоит в способности и готовности распознавать качество, отличие, превосходство. Таким образом, ев-

40. The Portable Matthew Arnold / L. Trilling (Ed.). N.Y.: Viking, 1949. P. 451–455.

ропейской была бы такая демократия, когда массы свободно и в демократическом порядке принимают ценности элиты. Буркхардт примерно в то же время высказывал сходные с Арнольдом опасения:

Искусство и наука стоят перед лицом невероятно сложной задачи: не скатиться до уровня еще одного средства буржуазной наживы и не исчезнуть в потоке всеобщей суеты. Потребуется величайшее усилие и самопожертвование, если они собираются остаться творчески независимыми в условиях своих связей с ежедневной прессой, международной торговлей и всемирными выставками. Какие классы и слои общества станут теперь настоящими представителями культуры, подарят нам ученых, артистов, поэтов, творческих личностей? Или все обречено превратиться в один большой бизнес, как в Америке?⁴¹

Чего Буркхардт боялся больше всего, так это «американского человека культуры», под которым он понимал того, кто «отверг историческую преемственность и значительную часть духовной преемственности, но хотел бы сохранить искусство и поэзию как предмет роскоши»⁴². Он боялся, что искусство становится, как он сказал бы, предметом потребления, который может приобрести кто угодно, у кого есть нужное количество денег. Что не является американским и подразумевается в качестве европейского — это, похоже, одновременно особая история и особое отношение к истории, отличное как от слепого преклонения перед традицией и неприятия любых перемен (что приписывается Востоку), так и от веселого, беспечного забвения всего оставшегося в прошлом и страстного хватания всего современного (что приписывается Новому Свету). Более того, утверждается, что европейский дух не приемлет ни закостеневшей иерархии ценностей, ни сведения всех качественных различий к измеряемой количественно и единообразной стоимости денег.

Защитит ли европейская федерация эти предположительно характерные черты европейской культуры, сможет ли она сохранить «многообразие внутри единства», считающееся самой существенной стороной Европы, — это, конечно, неясно. Уже во второй половине XIX века Буркхардт жаловался на «упадок местного патриотизма со всеми его преимуществами и недостатками и значительное ослабление даже национального патриотизма»⁴³. Вполне возможно, что более тесное объединение

41. *Burckhardt J. Reflections on History / M. D. Hottinger (Trans.). L.: Allen and Unwin, 1943. P. 170.*

42. *Idem. Über das Studium der Geschichte / P. Ganz (Ed.). Munich: C. H. Beck, 1982. P. 182.*

43. *Idem. Reflections on History. P. 170.*

Европы и дальше будет вести к уменьшению значения отдельных исторических и культурных традиций, обреченных стать предметами украшения, своего рода национальным китчем, подобно тому как создание централизованных национальных государств в период модерна привело к образованию единых национальных культур, которые мало-помалу ослабили местные и провинциальные культуры. Шотландская культура ослабла по мере того, как развилась общебританская культура, а центр национальной жизни переместился в Лондон: сами шотландцы начали воспринимать свою культуру как что-то, связанное с виски, килтами, ужинами в честь Бернса, хаггисом и Гарри Лаудером. Бретонская культура, как и бретонский язык, была практически уничтожена, когда Французская Республика обратила двадцать миллионов крестьян в граждан. Различия между пруссами и баварцами, саксонцами и швабами вполне могут становиться все менее и менее существенными в действительности, даже по мере того как контраст между одними и другими все больше становится популярным клише.

Куденхове-Калерги любил приводить в пример Швейцарию, где языковая и культурная автономия охраняется федеральной конституцией. Но сами швейцарцы не испытывают особого энтузиазма по поводу культурного состояния своей страны. В культурном отношении, как сказал один швейцарский автор, франкоговорящие швейцарцы привязаны к Франции, немецкоговорящие — к Германии: «Чем больше швейцарец оторван от мира культуры, тем с большей уверенностью он может чувствовать себя швейцарцем». Потому что Швейцария — это «не место культуры, а место культурного регулирования». Культура — это то, уважением к чему Швейцария гордится, «а не то, что формирует ее как нацию»⁴⁴. Мораль ясна. Если принимать меры по сохранению многообразия местных европейских культур, существует возможность, что это многообразие само по себе помешает возникновению жизненно важной новой европейской культуры и что Европа станет попросту административным аппаратом по регулированию торговли, транспорта, обороны и основных гражданских прав. С другой стороны, как раз в той степени, в какой Европе удастся сформировать общее осознание идентичности и общий опыт, это может привести к подрыву того многообразия, которым европейцы склонны дорожить как определяющим признаком Европы.

Перевод с английского Даниила Аронсона

44. Barilier E. A Culture or a Nation? Post Festum: Switzerland and the World // Literary Review. 22 June 1993. Vol. 36. № 4.